

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.46>

СЕМАНТИКА ВРАЖДЫ В МЕДИАТИЗИРОВАННОМ ДИСКУРСЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научная статья

Дубровская Т.В.^{1*}, Юськаева Э.И.²¹ORCID: 0000-0003-0044-6056;^{1,2} Пензенский государственный университет, Пенза, Россия; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

* Корреспондирующий автор (gynergy74[at]gmail.ru)

Аннотация

Авторы исследуют семантику вражды и ставят цель выявить типичные лексические единицы, актуализирующие семантику вражды и используемые для создания репрезентаций международных отношений между Россией и НАТО. Рассматривается специфика их функционирования и частотность. В качестве материала используются материалы официального сайта НАТО. В исследовании задействованы методики качественного и количественного анализа. Авторы приходят к выводу, что существует ряд наиболее востребованных лексических единиц в официальном дискурсе НАТО. Языковые средства, используемые при конструировании отношений с Россией, включают лексемы *threat, fight, war, aggressive, attack*; военную лексику; лексику с семантикой отрицательной оценки и вмешательства, в совокупности образующие семантику вражды.

Ключевые слова: дискурс, медиатизированный дискурс, международные отношения, конструирование, репрезентации, семантика вражды, языковые средства.

SEMANTICS OF ENMITY IN THE MEDIATIZED DISCOURSE OF INTERNATIONAL RELATIONS

Research article

Dubrovskaya T.V.^{1*}, Yuskaeva E.I.²¹ORCID: 0000-0003-0044-6056;^{1,2} Penza State University, Penza, Russia; Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

* Corresponding author (gynergy74[at]gmail.ru)

Abstract

The authors of the article investigate the semantics of enmity and aim to identify typical lexical units that actualize the semantics of enmity and are used to create representations of international relations between Russia and NATO. The article examines specifics of their functioning and frequency using the materials of the official NATO website as the primary research material. The research involves methods of qualitative and quantitative analysis. The authors conclude that there are a number of the most popular lexical units in the official discourse of NATO. The linguistic means used in the construction of relations with Russia include the lexemes *threat, fight, war, aggressive, attack*; military vocabulary; vocabulary with the semantics of negative evaluation and interference, which collectively form the semantics of enmity.

Keywords: discourse, mediatized discourse, international relations, construction, representations, semantics of enmity, linguistic means.

Введение

Настоящая статья излагает некоторые результаты проекта, посвящённого исследованию семантики единения и вражды в языке и дискурсе. В частности мы обращаемся к проблематике конструирования вражды в дискурсе международных отношений, понимая под дискурсом «вербально-знаковое выражение процесса коммуникации <...>, которое рассматривается в социально-историческом, национально-культурном, конкретном ситуативном контексте с учетом характеристик и стратегических установок коммуникантов» [4, С. 14]. Что касается международных отношений (international relations), то они подразумевают «отношения между акторами международной политики. Такие акторы включают национальные государства, международные организации, неправительственные организации и мультинациональные корпорации» [19, Р. 99] (Перевод с английского здесь и далее наш. – Т.Д., Э.Ю.).

Международные отношения целесообразно рассматривать в качестве социального конструкта, актуализируемого в процессе коммуникации: «межнациональные отношения, как и любой другой социальный феномен, являются предметом дискурсивных практик – как научных, так и институциональных – и через них могут быть поняты, поскольку их суть, их «семантический капитал» есть результат сложных когнитивно-коммуникативных операций» [3, С. 112]. Язык как мощный инструмент поддержания власти в обществе используется стратегически, чтобы конструировать и поддерживать социальные структуры, а также сети взаимодействующих акторов в рамках государства или на международной арене. Проблема медиатизации международных отношений изучалась нами ранее [12], [17]. Исследуя конструирование международных отношений России в медиа дискурсе, Т. В. Дубровская и Е. А. Кожемякин отмечают, что «с учётом идеологических установок и меняющегося социально-политического ландшафта средства массовой информации конструируют разные типы отношений» [17, Р. 94]. Особенно важно то, что для репрезентаций международных отношений в медиа дискурсе характерна реконтекстуализация: возможные интерпретации событий в газетах зачастую сводятся к тем, которые предопределены используемыми газетами подходами, основанными на той или иной идеологии [17, Р. 103].

В контексте данного исследования также важно отметить, что дискурс международных отношений только в редких случаях доступен обывателю для непосредственного наблюдения. В основном мы имеем дело с его

опосредованными, медиатизированными формами: избранные материалы, фрагменты коммуникаций, пресс-релизы суммируют отобранную информацию в стратегически выверенном направлении и представляют её в медиаресурсах. На подконтрольных той или иной организации медиа площадках, каковой и является официальный сайт НАТО, размещаются материалы, отвечающие целям организации и создающие соответствующие репрезентации международных отношений.

Материалы, размещенные на сайте НАТО www.nato.int и изучаемые нами, отвечают целям организации и создают соответствующие репрезентации международных отношений. Материал включает разные медиатизированные жанры: новостные тексты, тематические материалы, публичную речь, текст пресс-конференции и годовой отчет Генерального секретаря НАТО за 2020 год. Отбор материалов для анализа проводился по принципу упоминания в них отношений с Россией. Общий объем материала составил 59376 словоупотреблений, в числе которых 105 упоминаний России. Материалы относятся к периоду с октября 2020 по март 2021 года и далее цитируются нами в строгом соответствии с оригиналами текстов на сайте.

Категория вражды и способы её актуализации в коммуникации не раз становились объектом исследований. Анализу подвергались маркеры вражды в политическом дискурсе [15], номинации врага [1] и «язык вражды» [11], речевые проявления враждебности по отношению к России в западных СМИ [7], [8], [14] и др.

Цель нашего исследования – выявление типичных лексических единиц, актуализирующих семантику вражды и используемых для создания репрезентаций международных отношений между Россией и НАТО, а также определение специфики их функционирования в текстах. Новизна исследования определяется как материалом (изучается не собственно медийный дискурс, а официальный дискурс международной организации), так и комбинацией качественных и количественных методов. Методологически мы опираемся на теорию социального конструкционизма и критический дискурс-анализ как «направление исследований, направленных на «вскрытие» идеологически, политически и социально нагруженных смысловых порядков, репрезентированных и транслируемых с помощью дискурсивных практик» [6, С. 87], и продолжаем применять метод количественного анализа посредством программы MonoConc Pro 2.2. Данная программа была успешно апробирована Т.В. Дубровской в работе, посвящённой исследованию семантики единения в политико-правовом дискурсе [2].

Алгоритм исследования можно описать следующим образом. На начальном этапе происходит сбор корпуса текстов разных жанров. Кроме годового отчета НАТО за 2020 г. были отобраны разные материалы по наличию в них ключевого слова «Russia». После знакомства с материалом, прочтения и выявления ряда лексических единиц с семантикой вражды и противостояния производится автоматическая обработка текста программой MonoConc Pro 2.2. с целью выявления типичных коллокаций заданных единиц и количественных подсчетов. На заключительном этапе проводится качественный анализ контекстов с выявленной лексикой.

НАТО: общая характеристика организации и сайта

В число самых влиятельных международных организаций входит НАТО, военно-политическая организация, которая объединяет на данный момент 30 стран и ставит цель защитить государства-члены от внешнего вмешательства. Созданный в 1949 году для противостояния Советскому Союзу, Североатлантический Альянс сохраняет свою политическую линию и называет одним из основных вызовов «агрессивные действия России» (Russia's aggressive actions) [22, С. 6]. Отношения между блоком НАТО и Россией как мощными политическими акторами и коммуникативные практики, в которые вступают обе стороны, образуют важную часть общемирового контекста. Современное состояние отношений России и НАТО характеризуется глубоким кризисом и конфронтационным характером, и прогнозы политологов пессимистичны: «Для возрождения эффективного двустороннего диалога необходимы политические решения высокого уровня, перспектива принятия которых лидерами ведущих держав пока не просматривается» [10, С. 13].

Для НАТО одним из основных инструментов конструирования стратегических репрезентаций международных отношений является официальный сайт, который доступен для просмотра на четырёх языках: английском, французском, русском и украинском. Английский язык как лингва франка международного общения и французский, язык дипломатии, закономерны. Опция с русским и украинским языками также не случайна: такой набор языков очерчивает потенциальную целевую аудиторию, для которой предназначены материалы на сайте. В навигационном меню сайта четыре раздела, среди которых следующие:

- ORGANIZATION (сведения об организации и её структуре);
- TOPICS (актуальные темы для обсуждения);
- NEWSROOM (новости, аудио- и видеоматериалы);
- E-LIBRARY (официальные тексты, архивы, публикации).

Наполняемость разделов варьируется в зависимости от выбора языка. Так, раздел «Topics» в английской и французской версиях сайта представлен большим количеством рубрик. В русской и украинской версиях он ограничен лишь одной рубрикой, посвящённой взаимоотношениям НАТО и России. В названии рубрики «NATO-Russia: setting the record straight» (в русской версии «Обвинения России: расставим точки над «и»») Североатлантический Альянс репрезентируется как абсолютный носитель истины и единственно верной точки зрения с помощью идиомы «to set the record straight» (вносить ясность). При введении запроса «Russia» в поисковой строке сайта отображается тысяча статей, в которых Россия упоминается в том или ином контексте.

Лексика с семантикой вражды

Ручная обработка текстов позволила выявить ряд востребованных лексем с семантикой вражды, а дальнейшая автоматическая обработка с помощью программы MonoConc Pro 2.2. – подсчитать количество их употреблений.

Представим эти данные в таблице 1, объединив лексемы по морфемному принципу и предложив их перевод на русский язык.

Таблица 1 – Количественные показатели словоупотреблений

<p>threat – угроза threaten – угрожать (93)</p>	<p>fight (сущ.) – битва fight (гл.) – бороться fighter, fighter jet – истребитель fighting – процесс борьбы (54)</p>	<p>war – война warhead – боеголовка warfare – военное дело, столкновение (53)</p>	<p>against – против (49)</p>
<p>conflict – конфликт, противостояние conflict—related – обусловленный конфликтом (34)</p>	<p>attack (сущ.) – нападение attack (гл.) – нападать (31)</p>	<p>crisis – кризис (11)</p>	<p>aggressive – агрессивный aggressively – агрессивно aggression – агрессия aggressors – агрессоры (10)</p>

Как видим из таблицы, востребованными оказываются лексемы разных частей речи, в числе которых преобладают существительные, имеющие как абстрактные значения состояний (*conflict, aggression, threat*), так и значения предметные (*fighter, warhead*). В выделенной лексике особое место занимает лексика милитарная (*war, warhead, warfare, fight*), что, очевидно, обусловлено спецификой деятельности Североатлантического Альянса как военного союза. Лексемы с морфемой *war* набирают 53 употребления.

Отдельно отметим как самую частотную (93 употребления) лексему *threat* и особенности её применения в текстах. В окне с результатами поиска (рисунок 1) видно, что наиболее часто лексема *threat* выступает в коллокациях *cyber threats, existing threats, hybrid threats*.

Рассмотрение более широких контекстов с этими коллокациями позволяет увидеть, какие политические акторы представлены в качестве источников угрозы. С этой точки зрения фрагменты дискурса различны. В примере (1) акторы, создающие киберугрозы, не обозначены непосредственно и получают обобщенную номинацию *cyber threat actors*:

(1) *Technological changes <...> continued to provide cyber threat actors an array of new opportunities to achieve their objectives [22].*

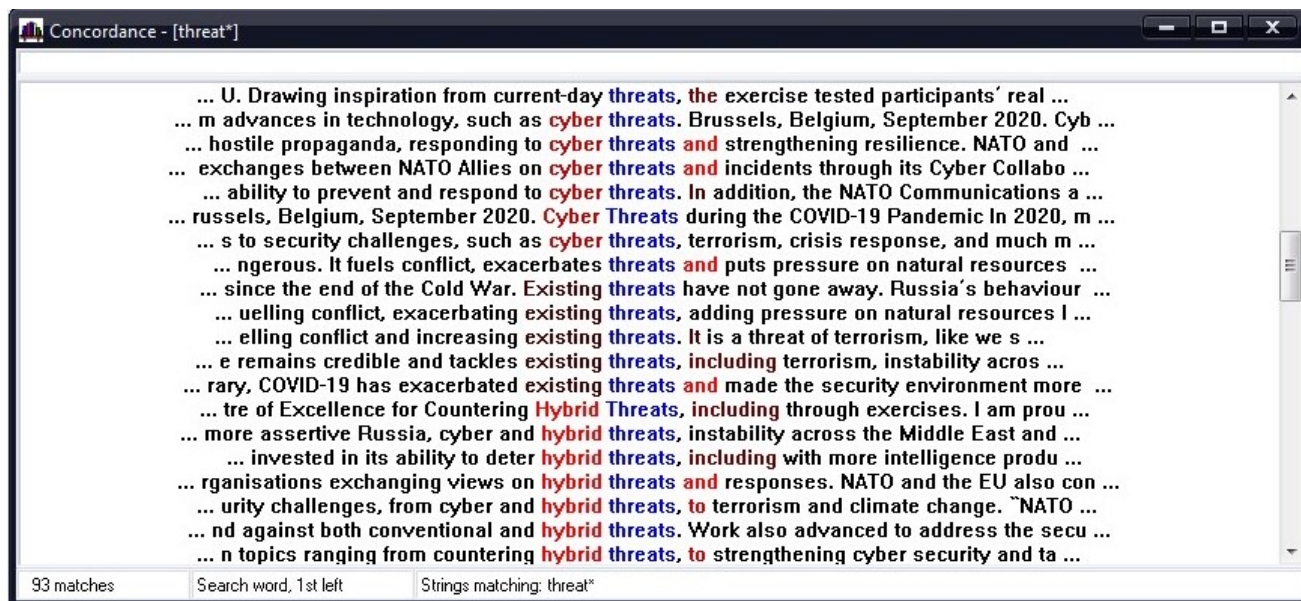

Рис. 1 – Представленность лексемы *threat* в корпусе

Однако в ряде контекстов актор-источник угрозы может получать эксплицитную номинацию. Так, в примере (2) в число существующих для НАТО угроз (*existing threats*) включена Россия:

(2) *Its purpose is to translate the 2019 NATO Military Strategy into practical steps to ensure NATO's deterrence and defence posture remains credible and tackles existing threats, including terrorism, instability across the Middle East and North Africa, and a more assertive Russia [22].*

В то время как количественные показатели и данные о коллокациях обрисовывают общую тематическую и содержательную направленность текстов, они не всегда дают представления о репрезентациях конкретных политических акторов. Далее мы рассмотрим **ключевые репрезентации России**, выделенные на основе анализа материала.

1. Россия как одна из мировых угроз

Репрезентация России как угрозы мировому сообществу не является новым явлением в дискурсе международных отношений. В своем исследовании М.А. Степанова прослеживает трансформацию идеологемы «Soviet threat» посредством смены номинаций «Soviet → Russian» [13]. Исследовательница отмечает несколько семантических компонентов идеологемы: «угроза использования военной силы», «угроза со стороны организованной преступности», «коррупцированных чиновников», «угроза энергетической зависимости», «киберугроза», «угроза проявления автократии». Отмечается и взаимообусловленность развития дискурса, насыщенного конкретной идеологемой и принятия конкретных политических решений [13, С. 178].

Как можно было видеть из примера (2) в дискурсе НАТО Россия ставится в один ряд с терроризмом и нестабильностью на Ближнем Востоке. Россия также стоит в одном ряду с угрозой исламизма и радикализма, киберугрозами:

(3) *A strong transatlantic bond is the cornerstone of our security and the only way to tackle great challenges, including Russia's aggressive actions, international terrorism, more complex cyber attacks, the rise of China, disruptive technologies and the security implications of climate change* [22, P. 6].

(4) *Instability in the Western Balkans continues, where we see a confluence of threats from nationalist, Islamist, radicalist and Russian interference* [21].

Лексемы с семантикой единения *transatlantic bond, cornerstone* используются с целью подчеркнуть важность объединения государств-союзников перед лицом угроз, тогда как эпитет *aggressive* применяется для репрезентации России как страны-агрессора. Россия репрезентируется как член группы «Чужие» по отношению к группе государств НАТО («Свои»), что иллюстрирует бинарную оппозицию «свой vs. чужой», прочно закрепившуюся в лингвистике [5], [9], [18].

НАТО представлен как политический актер, который пытается вести диалог с официальными представителями России, тогда как Россия такие попытки отвергает:

(5) *Since February, since February, NATO has repeatedly invited Russia to convene a meeting of the NATO-Russia Council. Russia has consistently declined these invitations. Consequently, there were no meetings of the NATO-Russia Council in 2020* [22, P. 25].

Нежелание России вступать в коммуникацию выражено наречиями с семантикой постоянства (*repeatedly, consistently*).

В дискурсе НАТО выдвигаются ряд причин, которые легитимируют использование защитных механизмов в отношении России. Такими причинами называются проведение Россией военных учений и совершенствование вооружения:

(6) *Russia, on the other hand, continued to conduct large-scale exercises despite the pandemic. One such exercise was KAVKAZ-2020, for which Russia provided a Vienna Document notification of only 12,900 troops taking part in the active phase of the exercise, while stating publicly that the overall exercise involved about 80,000 troops. In this way, Russia continued to flout its commitments to mandatory military transparency* [22, P. 28].

(7) *The Alliance continued to work hard in 2020 to maintain a safe, secure and effective nuclear deterrent. Meanwhile, Russia is modernising its nuclear and missile forces in ways that undermine Allied security and create deep uncertainty over Moscow's intentions. Russia's continued investment in nuclear weapons, including many dual-use missile systems, raises serious concerns and creates greater risk of escalation or misperception in a crisis* [22, P. 31].

В данных примерах Россия репрезентируется как актер, пренебрегающий нормами международного права (*to flout its commitments*). Лексические единицы с семантикой неопределённости (*risk, concerns, uncertainty*) актуализируют нестабильность, вызываемую действиями России, которые противопоставлены действиям Альянса, конструируемым с помощью лексем с семантикой положительной оценки (*safe, secure, effective*). В данном случае дискурс можно охарактеризовать в терминах «идеологического квадрата» Т. ван Дейка [16]. В текстах происходит акцентирование собственных положительных качеств и негативная оценка действий «Других».

2. Россия как участник затяжных конфликтов

Дискурс НАТО «рисует» свою карту, очерчивает посредством топонимов территории, на которых Россия осуществляет операции:

(8) *Allies' concerns about Russia's destabilising actions and policies go beyond Ukraine and include provocative military activities near NATO's borders stretching from the Baltic to the Black Sea; irresponsible and aggressive nuclear rhetoric, military posture and underlying posture; the risks posed by its military intervention and support for the regime in Syria; and the nerve agent attack in the United Kingdom in March 2018, a clear breach of international norms* [20].

Лексемы с семантикой вторжения (*intervention, attack*) и прилагательные с семантикой деструктивности (*destabilizing, irresponsible, aggressive, provocative*) используются с целью создания образа врага, а перечисление географических точек создает репрезентацию обширных действий:

(9) *Russia has shown it is willing to use military force against its neighbours. Russian forces are in Ukraine, Georgia and Moldova against the will of those governments. In recent years, we have seen a pattern of dangerous behaviour from Russia – including cyber-attacks, disinformation campaigns and attempts to interfere in our democratic processes* [23].

3. Россия как государство, входящее в группу «ОНИ» по отношению к НАТО

Дискурсивное разъединение групп «МЫ» и «ОНИ» происходит по аксиологическому критерию, принятию или неприятию ряда ценностных установок:

(10) *Other nations like Russia and China, countries that do not share the same values as we do, are developing new technologies: from hypersonic missiles, to autonomous systems, through artificial intelligence and cyber warfare* [21].

Дейктические элементы (*we, other*) позволяют подчеркнуть поляризацию между группами. В категорию «ОНИ» попадают Россия и Китай, стремительное развитие которых получает высокую оценку:

(11) *NATO also needs to account for the development of increasingly sophisticated hypersonic missile systems, such as those showcased by China and Russia [22, P. 19].*

Лексемы с семантикой усовершенствования (*developing, sophisticated, new*) позволяют сконструировать образ сильных «других», чьё развитие может угрожать стабильности группы «Мы».

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, дискурс международных отношений даёт значительный материал для изучения лексики с семантикой вражды. Репрезентации, конструирующие отношения вражды между политическими акторами, задействуют как вербальные, так и невербальные средства, включая стратегически выверенную организацию и структуру информационных ресурсов. Лингвистический анализ, в том числе при помощи автоматической обработки текстов, показывает, что существует ряд наиболее востребованных лексических единиц с семантикой вражды в официальном дискурсе НАТО. Анализ материала позволяет утверждать, что языковые средства, используемые при конструировании образа России, включают лексемы *threat, fight, war, aggressive, attack*; милитарную лексику; лексику с семантикой отрицательной оценки и вмешательства, в совокупности образующие семантику вражды.

Финансирование

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс.

Funding

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 Semantics of unity and enmity in Russian Vocabulary and Phraseology: system-language data and discourse.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Ворошилова М. Б. Черная чума: номинации врага в экстремистском тексте / М. Б. Ворошилова. // Юрислингвистика. — 2012. — № 1(12). — С. 67-72.
2. Дубровская Т. В. Дискурсивное конструирование единения в концепции внешней политики РФ: лексика с морфемами МЕЖ-/ МЕЖДУ-, ВЗАИМО- и ОБЩЕ- (опыт интегративного подхода) / Т. В. Дубровская. // Культура и текст. — 2020. — № 4 (43). — С. 196-213.
3. Дубровская Т. В. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций / Т. В. Дубровская, Е. А. Кожемякин. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — Серия: Гуманитарные науки. — 2015. — № 18(215). — С. 111-125.
4. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). — М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. — 351 с.
5. Кишина Е. В. Семантическая оппозиция "свой - чужой" как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов / Е. В. Кишина. // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2011. — № 4(48). — С. 174-179.
6. Кожемякин Е. А. Визуальное и социальное: перспективы критического дискурс-анализа и социальной семиотики / Е. А. Кожемякин. // Проблемное поле медиаобразования. — 2018. — №1. — С. 86-92.
7. Кошкарлова Н. Н. Зарубежные СМИ о церемонии открытия Олимпиады в Сочи: вектор речетворчества и политики / Н. Н. Кошкарлова. // Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. — 2014. — №2. — С. 92-95.
8. Кошкин П. Г. Формирование нового образа России в прессе Запад с 2014 по 2019 г. / П. Г. Кошкин. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2019. — Т.12. — Вып.4. — С. 477-499.
9. Нехорошева А. М. Механизмы формирования когнитивной матрицы "свой - чужой" в немецком политическом дискурсе (на примере выступлений Ангелы Меркель) / А. М. Нехорошева. // Политическая лингвистика. — 2012. — № 2 (48). — С. 140-144.
10. Ознобищев С. К. Отношения Россия-НАТО: от декларативного партнерства к глубокому кризису / С. К. Ознобищев. // Мировая экономика и международные отношения. — 2018. — Т. 62. — № 5. — С. 5-16.
11. Пантелеева Т. Ю. "Язык вражды" в парадигме юрислингвистики: когнитивносемантический и правовой аспекты / Т. Ю. Пантелеева. // Известия Южного федерального университета. — Филологические науки. — 2016. — № 3. — С. 96-103.
12. Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации: Коллективная монография / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин [и др.]. — Москва: ФЛИНТА, 2017. — 248 с.
13. Степанова М. А. Ушла ли советская угроза? (О трансформации идеологемы "Soviet threat") / М. А. Степанова. // Политическая лингвистика. — 2011. — № 3(37). — С. 172-179.
14. Федоров А. В. Образ России в современной Западной прессе / А. В. Федоров. // Медиаобразование. — 2013. — №4. — С. 51-58.

15. Шкапенко Т. М. Маркеры языка вражды в интернет-комментариях к переводным статьям польских СМИ / Т. М. Шкапенко, И. Ю. Вертелова. // Политическая лингвистика. — 2018. — № 4(70). — С. 104-111.
16. Dijk van T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. — L.: Sage. — 1998. — 374 p.
17. Dubrovskaya T. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations / T. Dubrovskaya, E. Kozhemyakin. // Critical Discourse Studies. — 2017. — 14:1. — Pp. 90-107.
18. Sowinska A. Discursive Construction and Transformation of 'Us' and 'Them' Categories in the Newspaper Coverage on the US Anti-Ballistic Missile System: Polish versus Russian View / T. Dubrovskaya, A. Sowinska. // Discourse & Communication. — 2012. — 6 (4). — Pp. 449-468.
19. Steele Brent J. International Relations / Steele Brent J. // International Encyclopedia of the Social Sciences. — 2nd edition. — W.A. Darity Jr. (Ed.). Vol. 4. — Detroit, N.Y.: Macmillan. — 2008. — P. 99-101.
20. Relations with Russia [Electronic resource] // — NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50090.htm?selectedLocale=en. (accessed: 24.11.2021)
21. Speech by Mircea Geoană, NATO Deputy Secretary General at the conference on 'Preparing NATO and the Allies for the Future Challenges' [Electronic resource] // — NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_179205.htm. (accessed: 24.11.2021)
22. The Secretary General's Annual Report [Electronic resource] // — NATO: site. — URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/3/pdf/sgar20-en.pdf. (accessed: 24.11.2021)
23. Top Five Russian Myths Debunked [Electronic resource] // NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_178946.htm. (accessed: 24.11.2021)

Список литературы на английском / References in English

1. Voroshilova M. B. Chernaja chuma: nominacii vruga v ehkstremskom tekste [The Black Plague: nominations of the enemy in the extremist text] / M. B. Voroshilova. // Jurislingvistika [Legal Linguistics]. — 2012. — № 1(12). — Pp. 67-72 [in Russian]
2. Dubrovskaya T. V. Diskursivnoe konstruirovaniye edineniya v koncepcii vneshnej politiki RF: leksika s morfemami MEZH-/ MEZHDU-, VZAIMO- i OBSHHE- (opyt integrativnogo podkhoda) [Discursive construction of Unity in the concept of foreign Policy of the Russian Federation: vocabulary with morphemes MEZH-/ MEZHDU-, VZAIMO- and OBSHCHE (experience of the integrative approach)] / Vol. V. Dubrovskaya. // Kul'tura i tekst [Culture and text]. — 2020. — № 4 (43). — pp. 196-213 [in Russian]
3. Dubrovskaya T. V. Konstruirovaniye mezhnacional'nykh otnoshenij v SMI: specifika reprezentacij [The construction of interethnic relations in the media: the specifics of representations] / T. V. Dubrovskaya, E. A. Kozhemyakin. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Bulletin of Belgorod State University. - Series: Humanities]. — 2015. — № 18(215). — pp. 111-125 [in Russian]
4. Dubrovskaya T.V. Sudebnyj diskurs: rechevoe povedenie sud'i (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov) [Judicial discourse: the speech behavior of a judge (based on the material of Russian and English)] / T. V. Dubrovskaya. - M.:Izd-vo «Akademija MNEhPU», 2010. - 351 p. [in Russian]
5. Kishina E. V. Semanticheskaja oppozicija "svojj - chuzhojj" kak realizacija ideologo-manipulativnogo potentsiala politicheskikh diskursov [Semantic opposition "friend - foe" as the realization of the ideological and manipulative potential of political discourses] / E. V. Kishina. // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]. — 2011. — № 4(48). — Pp. 174-179 [in Russian]
6. Kozhemyakin E. A. Vizual'noe i social'noe: perspektivy kriticheskogo diskursa-analiza i social'noj semiotiki [Visual and Social: Perspectives of critical discourse analysis and social Semiotics] / A. Kozhemyakin. // Problemnoe pole mediaobrazovaniya [Problematic field of media education]. - 2018. - No. 1. - pp. 86-92 [in Russian]
7. Koshkarova N. N. Zarubezhnye SMI o ceremonii otkrytija Olimpiady v Sochi: vektor rechetvorchestva i politiki [Foreign media about the opening ceremony of the Olympic Games in Sochi: the vector of speech creation and politics] / N. N. Koshkarova. // Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Psicholingvistika v obrazovanii [Ural Philological Bulletin. Series: Psycholinguistics in Education]. - 2014. - No. 2. - pp. 92-95 [in Russian]
8. Koshkin P. G. Formirovaniye novogo obraza Rossii v presse Zapad s 2014 po 2019 g. [Formation of a new image of Russia in the West press from 2014 to 2019] / P. G. Koshkin. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of St. Petersburg University. International relations]. - 2019. - Vol.12. - Vol.4. - pp. 477-499 [in Russian]
9. Nekhorosheva A. M. Mekhanizmy formirovaniya kognitivnoj matricy "svojj - chuzhojj" v nemeckom politicheskom diskurse (na primere vystuplenij Angely Merkel') [Mechanisms of formation of the cognitive matrix "friend - foe" in German political discourse (on the example of Angela Merkel's speeches)] / A. M. Nekhorosheva. // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]. — 2012. — № 2 (40). — pp. 140-144 [in Russian]
10. Oznobishchev S. K. Otnosheniya Rossija-NATO: ot deklarativnogo partnerstva k glubokomu krizisu [Russia-NATO Relations: from Declarative Partnership to Deep Crisis] / S. K. Oznobishchev. - // Mirovaja ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World economy and International Relations]. - 2018. - Vol. 62. - No. 5. - pp. 5-16 [in Russian]
11. Panteleeva T. Yu. "Jazyk vrazhdy" v paradigme jurislingvistiki: kognitivnosemanticheskij i pravovoj aspekt [The language of enmity" in the paradigm of Legal linguistics: cognitive semantic and legal aspects] / Vol. Yu. Panteleev // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. — Filologicheskie nauki [Proceedings of the Southern Federal University. - Philological sciences]. - 2016. - No. 3. - pp. 96-103 [in Russian]
12. Politicheskij, juridicheskij i massmedijnyj diskurs v aspekte konstruirovaniya mezhnacional'nykh otnoshenij Rossijskoj Federacii: Kollektivnaja monografija [Political, legal and mass media discourse in the aspect of the construction of interethnic relations of the Russian Federation: A collective monograph] / T. V. Dubrovskaya, E. K. Reva, E. A. Kozhemyakin [et al.]. - Moscow: FLINTA, 2017. - 248 p. [in Russian]

13. Stepanova M. A. Ushla li sovetskaja ugroza? (O transformacii ideologemiy "Soviet threat") [Has the Soviet threat gone away? (On the transformation of the "Soviet threat" ideologeme)] / M. A. Stepanova. // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]. — 2011. — № 3(37). — pp. 172-179 [in Russian]
14. Fedorov A. V. Obraz Rossii v sovremennoj Zapadnoj presse [The Image of Russia in the Modern Western press] / A.V. Fedorov. // Mediaobrazovanie [Media education]. - 2013. - No. 4. - pp. 51-58 [in Russian]
15. Shkapenko T. M. Markery jazyka vrazhdy v internet-kommentarijakh k perevodnym stat'jam pol'skikh SMI [Markers of the language of enmity in Internet comments to translated articles of Polish media] / T. M. Shkapenko, I. Yu. Vertelova. // Politicheskaja lingvistika [Political Linguistics]. — 2018. — № 4(70). — pp. 104-111 [in Russian]
16. Dijk van T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. — L.: Sage. — 1998. — 374 p.
17. Dubrovskaya T. Media construction of Russia's international relations: specifics of representations / T. Dubrovskaya, E. Kozhemyakin. // Critical Discourse Studies. — 2017. — 14:1. — Pp. 90-107.
18. Sowinska A. Discursive Construction and Transformation of 'Us' and 'Them' Categories in the Newspaper Coverage on the US Anti-Ballistic Missile System: Polish versus Russian View / T. Dubrovskaya, A. Sowinska. // Discourse & Communication. — 2012. — 6 (4). — Pp. 449-468.
19. Steele Brent J. International Relations / Steele Brent J. // International Encyclopedia of the Social Sciences. — 2nd edition. — W.A. Darity Jr. (Ed.). Vol. 4. — Detroit, N.Y.: Macmillan. — 2008. — P. 99-101.
20. Relations with Russia [Electronic resource] // — NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50090.htm?selectedLocale=en. (accessed: 24.11.2021)
21. Speech by Mircea Geoană, NATO Deputy Secretary General at the conference on 'Preparing NATO and the Allies for the Future Challenges' [Electronic resource] // — NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_179205.htm. (accessed: 24.11.2021)
22. The Secretary General's Annual Report [Electronic resource] // — NATO: site. — https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/3/pdf/sgar20-en.pdf. (accessed: 24.11.2021)
23. Top Five Russian Myths Debunked [Electronic resource] // NATO: site. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_178946.htm. (accessed: 24.11.2021)